

Василий Аксенов
БУМАЖНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Повесть

МОСКВА «ТЕКСТ» 2022

...да и пошел считать столбы,
пока не зарябит тебе в очи...

Гоголь

МЕЖДУ ЛЕРМОНТОВЫМ И ПУШКИНЫМ

Зовут меня Игорь Велосипедов. Можно просто Игорь. Публика обычно думает — какая современность! Спортивное динамичное сочетание, звучит просто как псевдоним, даже вспоминается из советской поэзии, но ведь вы, кажется, не певец?

Публика, увы, становится жертвой недоразумения, моя несчастная фамилия таит в себе, как это ни странно, настоящую историческую неожиданность. Боюсь, вы удивитесь, узнав, что эта фамилия появилась на Руси, по крайней мере, за двести лет до изобретения велосипеда. Эта латинская фамилия принадлежала лицам духовного звания и переводилась очень просто — Быстроногов. Велоси, с общего разрешения — быстрота; пед, к общему сведению, нога, ступня, товарищи.

Быть может, был когда-то в древности какой-нибудь легкий на ногу служака, которого посылали за... ну, за чем-нибудь важным, ну а прапрадед мой пел дьяконом в соборе города Вышний Волочек еще в начале XIX века.

Если что-то хронологически тут не сходится, добавьте по своему вкусу еще хоть пяток «пра»; не поверите, не обижусь. Ни к каким записям вас не отсылаю, а если сами на что-нибудь натолкнетесь, будьте осторожны — бумаги нередко врут.

Верьте, братцы, никакого у меня нет чванства в связи со своей старинной фамилией, и вовсе я не торчу на этих модных нынче «поисках корней», а вот просто иногда засасывает некоторая тоска отчуждения и начинается что-то вроде стихийного недовольства отдельными шероховатостями нашей, в целом-то интересной, жизни.

Когда народ восстанет, он прежде всего уничтожит различные архивы и картотеки и восстановит более натуральные связи между людьми — мимику, жестикуляцию, игру глаз, в конце концов, язык.

При слове «Велосипедов» многим приходит в голову период Реконструкции, а ведь это неестественно, другие конечно же воображают Начало века, большущие трисиклеты, это уж, виноват, просто примитивно. Простите, совершенно не понимаю некоторых молодых особ с их бесконечным и довольно утомительным ерничаньем, их прыжки и ужимки — месье Велосипедов, месье Велосипедов! Ну что это за обращение? Нельзя ли просто Игорь?

Ну что в этом остроумного или там обидного, оскорбительного? Ведь если бы я, предположим, жил в Париже, меня бы так и называли бы — месье Велосипедов, с ударением на последнем слове, пардон, слоге. Может быть, что-то есть смешное, обидное, оскорбительное в словечке «месье»? Вот, скажем, есть у нас некоторые женщины, которые обижаются при вежливом обращении «мадам» — какая я тебе мадам? — вплоть до вызова милиции, как будто ее проституткой назвали, а ведь это просто, товарищи, получается так из-за невежества. Ведь для французского населения и «мадам» и «месье» обычные обращения, когда-то они и у нас употреблялись, когда-то и у нас, товарищи, не все были товарищами, различался пол.

А ведь тех молодых особ, которых я имею в виду, тех, что употребляют мое имя в порядке глупого юмора, невеждами ведь не назовешь.

Не оттого ли я так по-страшному заборзел?

Вот вообразите, сто лет назад, в 1873-м, в разгаре царской реакции, встречаются в Петербурге какие-нибудь Велосипедов и Добролюбов, так ведь ничего же в самом деле не возникает же постороннего, ведь все протекает, можно сказать, вполне естественно, просто встретились друг с другом Быстрая Нога и Любящий Добро, вот и все, не так ли?

Но отчего же все-таки я той весной так по-страшному заборзел?

Однажды... в субботу это было... Вот, господа, прошло что-то около десятка лет с начала этой истории, я сижу в кресле с откидывающейся спинкой, человек в очках с меняющимися линзами и с некоторыми дефектами слуха, и пытаюсь вспомнить простейшую вещь — в субботу ли это было? В субботу ли? Казалось бы, никакого значения не имеет день недели, а вот почему-то упорно цепляюсь — нет, не в пятницу, не в пятницу, не в пятницу!

В пятницу-то как раз, как обычно, подписав все пятнадцать копий акта поршневых испытаний, Велосипедов ушел из лаборатории ровно в пять, по звонку, хотя товарищи предлагали немного задержаться: Спартак Гизатуллин отмечал премию за внедрение рационализаторского предложения. Премия была ерундовая, едва-едва на энное количество «чернил», и, выставляя это хозяйство на столе, Спартак сказал с кривоватой, в общем и целом слегка волчьей, улыбкой: больше от меня рацпредложений пусть не ждут, гребать я хотел всю эту Организацию. Под словом «организация», с прискорбием сообща-

ем, он обычно имел действительно в виду все целое — аббревиатуру из трех сосущих букв и одной рычащей.

Увы, Велосипедов в этот хороший вечер не смог присоединиться к сотрудникам. Добрые ребята полагали его ровней, но они не знали о его внелабораторной жизни, не знали, например, о его дружбе с молодой художницей Фенькой Огарышевой, о его вхожести в артистические круги Москвы, тем более о его внутреннем мире, в котором он видел себя не инженером в скромной лаборатории, но мировым кинорежиссером, постановщиком фильма о всенародном восстании.

Итак, он ушел и стал завихряться на людных «мятежных» перекрестках — взлетала желтая грива, хлопали полы длинного черного пальто. Ибо Дул Сильный Ветер.

И все-таки начало нашей истории следует отнести к субботе, ибо пятница, несмотря на вдохновение, прошла рутинно. Фенька на звонки не отвечала, где-то шаталась, потому и Велосипедов весь вечер провел в городе, переезжая с места на место будущих съемок, разводя мизансцены огромного общегородского восстания, формуя исторические кадры — штурм Кремля, охваченный пламенем Мавзолей имени Ленина, баррикады на площади Дзержинского — и чередуя эту эпвику (в простоте душевной полагал еще в этом слове два «п», ясность пришла потом), — и чередуя ее, конечно, с лирикой: молодая художница бросила дом, мечется по мятежной столице в поисках друга, постановщика всей этой драмы, и вот тот уже идет к ней навстречу по горящей улице, легкий на ногу, с летящей искрящейся шевелюрой, они сближаются на общем плане... и наступает момент трансфакации... о трансфакация, о трансфакация!

А наутро, в субботу, значит, завтракая яйцом и кефиром, Игорь Велосипедов почувствовал жгучую тоску: жизнь не удалась.

Вот в школе писали сочинение на тему «Образ “маленького человека” в русской литературе XIX века», так что же получается, о самом себе, значит, писал, значит, железно вырастаю в Акакия Акакиевича, как-то не хочется в это верить.

А между тем уж скоро мне тридцать, а ведь ничего не добился, и что самое прискорбное, и никогда не добьюсь, в том смысле, что даже и на хорошую дубленку рассчитывать не приходится, даже и до А. А. не дотягиваю. Давайте порассуждаем. В лаборатории вся секция поршней покоится вот на этих плечах, а все лавры достаются Ушакову, только лишь потому, что он защитил фальшивую кандидатскую диссертацию. Ушаков получает 250, Велосипедов — 150, извольте прожить, если пара ботинок тянет за полста, а играть с государством в кошки-мышки, простите, не обучен, воспитывался на примерах энтузиазма.

Возьмем теперь идею фильма, вряд ли она все-таки осуществима, вряд ли возможно будет кого-либо ей в глубоком смысле увлечь, ведь существует в этой интересной творческой затее одна загвоздка — против кого восстание? Ведь невозможна же революция против революционных владык. Случись такое, получится настоящая контрреволюция и весь фильм окажется ущербным в идейно-художественном отношении, а это недопустимо.

Увы, Фенька еще слишком молода и глупа, чтобы понять все эти проблемы, и вот в результате сидит недюжинная натура в полном одиночестве на так называемой кухне так называемой квартиры над так называемым диетическим яйцом перед так называемой корреспонденцией, стопкой конвертов

с неизвестным, но предполагаемым содержанием, хорошего ждать не приходится, так бы и смахнул все в ведро, говна-пирога.

Он обычно всю эту мерзость — официальные послания, счета на электричество, газ, воду, погашения по ссуде, предупреждения кооператива, извещения агитационного пункта и избирательного участка, календари Ленинского университета миллионов, в который вот недавно записали по месту работы, — весь этот хлам, не распечатывая, складывал на кухне до субботы, а уж в субботу позволял себе некую странную игру — расправу над бессмысленной бумажной швалью: рвал, мял, грубо отшвыривал.

Счета, к сожалению, нельзя было повыбрасывать — подлежали оплате, но уж зато предупреждения жилтоварищества «предлагаем погасить задолженность по ссуде до 1 июля 1973 года, в противном случае дело будет передано в юридические органы» или приглашение там на регистрацию для участия в выборах в Верховный Совет, такие бумаженции подвергались обычно шумному надругательству, причем выкрикивались такие непристойности, которых Игорь Иванович не употреблял даже во время учебы в Автодорожном институте.

В ту субботу кучка оказалась повыше обычной. С первого взгляда было видно, что присутствует что-то внеординарное. Так и оказалось, пожалуй-ста — вызов на медкомиссию в военкомат, значит, опять полезут в жопу с зеркальцем, почему-то на этих медосмотрах больше всего их интересуют зады потенциального войска. Раздвиньте руками ягодицы, нагнитесь, надуйтесь! Новая запись в личное дело младшего лейтенанта бронетанковых войск запаса И.И. Велосипедова: геморроидальные узлы не обнаружены — значит, годен.